

ФРАНКО-ПРУССКАЯ ВОЙНА 1870—1871 гг. И БУРЖУАЗНОЕ ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ В ГЕРМАНСКИХ ГОСУДАРСТВАХ

С. В. Оболенская

Франко-прусская война 1870—1871 гг. произвела на современников огромное впечатление. Свидетели событий в один голос называли ее первой войной столь крупного масштаба — по охвату территории, по числу людей, втянутых в нее, и, главное, по результатам и последствиям для Европы. Война, начавшаяся для Германии как национальная, освободительная, быстро превратилась в нечто совершенно противоположное. Пруссия не остановилась после Седана, когда Франция уже потерпела поражение и задача объединения Германии в принципе была решена. Аннексия Эльзаса и Лотарингии обнаружила реакционный, милитаристский характер нарождающегося Германского государства и стала предвестником будущих империалистических войн. Существенно изменилось соотношение сил в европейском концерте держав. Франция утратила первенство на континенте. Главной силой стала единая, сильная Германия с быстро развивающейся экономикой. Вот почему эта эпоха — войны и завершения объединения Германии — тотчас же начала привлекать пристальное внимание историков.

До первой мировой войны в апологетических трудах немецких историков бисмарковская империя изображалась в качестве конечного результата провиденциального развития, начального пункта движения к «великому будущему». Исследовались дипломатические и военные проблемы и, конечно, роль Бисмарка — творца германского единства¹. Что касается настроений германского общества, то они изображались как мощный порыв к единству, выросший в огне войны. Поражение Германии в первой мировой войне 1914—1918 гг. повлекло за собой первые сомнения в этом отношении. Во многих трудах ясно прозвучала мысль, что империя была основана в противоречии с духом либерального немецкого национального движения XIX века².

Разгром германского фашизма во второй мировой войне обострил интерес к проблемам «Reichsgründung». Историки ФРГ, еще в 40-х годах обратившиеся к этим проблемам, подходили к их решению по-разному. Для направления, созданного в 50-х годах Г. Ротфельсом, был характерен известный «национальный нигилизм». Его представители критиковали объединение, совершенное в противоречии с единством европейского развития в XIX веке³. В 60-х годах эта концепция уступила место усиленному

¹ См., например, Н. v. Sybel. Die Begründung des Deutschen Reiches durch Wilhelm I. Bd. 1—7. München—В. 1913; Н. v. Treitschke. Historische und politische Aufsätze. Bd. 1, 2 Leipzig. 1913; e j u s d. Zehn Jahre deutscher Kämpfe. В. 1879, u. a.

² См., например, J. Ziekursch. Politische Geschichte des neuen deutschen Kaiserreiches. Frankfurt a. M. 1927.

³ См., например, R. Stadelmann. Deutschland und Westeuropäische Revolutionen. «Deutschland und Westeuropa». Laupheim. 1948.

вниманию к национальным аспектам исторического развития Германии. В новых работах о франко-прусской войне и объединении Германии обнаруживается преимущественный интерес к экономическим и социально-политическим условиям и последствиям «рейхсгрюндунга». Авторы новых работ признают не только роль «железа и крови», но и роль «железа и угля». В центре новых исследований стоит вопрос: не была ли основа объединения, созданная войнами 1864, 1866 и 1870—1871 гг., порочной, не она ли породила будущие несчастья?

Проблемы франко-прусской войны и объединения Германии привлекают также внимание историков ГДР. Исходя из оценок, данных К. Марксом и Ф. Энгельсом и примыкая к главной линии советских исследований⁴, они обращаются чаще всего к вопросу о путях объединения Германии, исследуют борьбу демократических сил и рабочего класса за «революцию снизу». Впервые в германской историографии они связали проблемы войны и объединения Германии с историей Парижской Коммуны, показав ее влияние на германское рабочее движение и на внутреннее развитие германской империи⁵.

Вопрос о том, какую роль играло общественное мнение в германских государствах во время франко-прусской войны, был поставлен еще во время самих этих событий. Во всяком случае, Бисмарк многие свои политические шаги в 1870—1871 гг. объяснял тем, что они были продиктованы общественным мнением. Под давлением общественного мнения, заявлял он, произошло вступление южных государств в войну, продолжение войны после Седана, бомбардировка Парижа, аннексия Эльзаса и Лотарингии⁶. Этот вопрос стал особенно актуальным во второй половине 60-х годов, когда в западногерманской историографии возникла оживленная дискуссия, начатая в журнале «Historische Zeitschrift» В. Липгенсом. Вступая в спор с традиционным утверждением немецких буржуазных историков, что аннексия Эльзаса и Лотарингии была осуществлена будто бы чуть ли не против воли Бисмарка под давлением общественного мнения и военных кругов, выступив против положений крупнейших буржуазных историков ФРГ Г. Манна, Т. Шидера и др., утверждавших, что сильнейшие импульсы национального общественного мнения придавали силу партии военных и были важным фактором в политической борьбе, В. Липгенс заявил, что Бисмарк несет полную ответственность за эту акцию. Идея аннексии, утверждал он, распространилась только после Седана, и это было результатом агитации прессы национал-либералов, действовавшей по указке Бисмарка⁷. В дискуссии приняли

⁴ См. В. С. Алексеев-Попов. Рабочий класс Германии в дни Парижской Коммуны (в кн.: А. И. Молок. Германская интервенция против Парижской Коммуны 1871 года. Л. 1939); его же. Рабочий класс и социал-демократия Германии в дни франко-прусской войны и Парижской Коммуны (канд. дисс.). Одесса. 1947; его же. Рабочий класс и социал-демократия Германии в дни Парижской Коммуны. «Парижская Коммуна 1871 года». Т. II. М. 1961; Е. Г. Светланова. Германская социал-демократия в период франко-прусской войны. «Германское рабочее движение в новое время». М. 1962; ее же. Влияние Генерального Совета на выработку интернациональной линии пролетариата Германии в войне. «Первый Интернационал». Ч. II. М. 1965; А. М. Миркинд. Под знаменем Коммуны. Кишинев. 1971.

⁵ H. Beike. Die deutsche Arbeiterbewegung und der Krieg von 1870/1871. В. 1957; «Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung». Bd. I. В. 1966; H. Bartel. Die Haltung der revolutionären deutschen Arbeiterbewegung zur Reichsgründung von 1871. «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft» (далее — «ZfG»), 1968, № 4; e. j. u. s. Die Reichseinigung 1871 in Deutschland, ihre Geschichte und ihre Folgen. «ZfG», 1969, № 1; E. Hackethal. Der Arbeiterverein unter dem Einfluss der Pariser Kommune. «ZfG», 1968, № 4; «Die Grosspreussisch-militaristische Reichsgründung 1871». В. 1971; H. Bartel, G. Seeber. Reichsgründung, Pariser Kommune und revolutionäre Arbeiterbewegung. «Arbeiterbewegung und Reichsgründung». В. 1971, у. а.

⁶ См. O. v. Bismarck. Die gesammelte Werke. Bd. 6в. В. 1931, S. 402, 459—462, 478, у. а.

⁷ W. Lipgens. Bismarcks, die öffentliche Meinung und die Annexion von Elsass und Lothringen 1870. «Historische Zeitschrift» (далее — «HZ»), 1964, № 1.

участие Л. Галл, Э. Кольб и др. Обсуждался главным образом вопрос о роли германского общественного мнения, о его силе, о степени его влияния на решения правительства⁸.

Не подлежит сомнению, что Бисмарк, инспирируя общественное мнение, не считался с ним, что он, конечно, мог принять решение об аннексии независимо от воли общества. Это понимал и русский посол в Берлине П. П. Убри, сообщавший в официальном донесении в Петербург еще 4 сентября 1870 г.: «Эта мысль, мне кажется, основана на идеях, уже обсуждавшихся и принятых, а не на некоторых надеждах, связанных с национальными чувствами»⁹. Однако в утверждении, что общественное мнение в Германии в 1870—1871 гг. отражало общее стремление немецкого народа к единству, содержится зерно истины. К. Маркс и Ф. Энгельс подчеркивали, что в Германии идет настоящая национальная война, война за «национальное существование», что «вся масса немецкого народа, всех классов, поняла, что в первую очередь дело идет именно о национальном существовании, и потому сразу проявила готовность выступить»¹⁰. Все, кто наблюдал первые недели войны в Германии, были едины в таком мнении. П. П. Убри сообщал в Петербург за несколько дней до войны: «...Энтузиазм в Германии охватил всех и не только в Берлине и в Пруссии, но и в южных государствах, например, в Саксонии, а также и в портовых городах...»¹¹. Приведем еще только одно свидетельство, автора которого невозможно заподозрить в симпатии к Бисмарку, к Пруссии. Ф. Меринг, очевидец и историк событий 1870—1871 гг., писал в «Истории германской социал-демократии»: «Не подлежит сомнению, что в массе немецкого пролетариата, как и в немецких народных массах вообще, преобладало желание вооруженной рукой отразить нападение Бонапарта. Вряд ли дело значительно изменилось бы, если бы дипломатические махинации Бисмарка были известны в то время... Сквозь все нагромождения дипломатической лжи народ видел лишь один факт: что войну необходимо вести для обеспечения национального существования...»¹².

При ярко выраженном общем стремлении к успешному завершению войны и к объединению германских государств в общественном мнении Германии наблюдалась весьма пестрая картина, существовало множество различных мнений. В центре всеобщего внимания находились две темы: характер и цели войны и объединение Германии. Особую роль в дискуссии по вопросам франко-прусской войны и объединения Германии играла пресса национал-либералов, сознательно поставившая себя на службу правительственной политике, взявшая на себя роль пропагандиста и защитника решений и действий Бисмарка. Именно она задавала тон дискуссиям в печати и часто выступала с откровенной целью оказать давление на те или иные силы в правящих кругах.

Настроения, распространившиеся в германском обществе во время франко-прусской войны, нашли яркое отражение в огромном количестве посвященных текущим событиям книг, брошюр, листовок. Авторами этих многочисленных сочинений («Flugschriften»), написанных с разными целями и на разном уровне, были экономисты, историки, теологи, географы, филологи, писатели, политические деятели, дипломаты, публицисты, юристы, учителя, врачи, священники, чиновники, военные и т. д. С работами, носившими откровенно пропагандистский характер, выступили в 1870 и 1871 гг. и известные ученые — Г. Трейчке, Г. Баумгар-

⁸ L. Gall. Zur Frage der Annexion von Elsass und Lothringen 1870. «HZ», 1968, № 2; W. Lipgens. Bismarck und die Frage der Annexion 1870. Eine Erwiderung. «HZ», 1968, № 3; E. Kolb. Bismarck und das Aufkommen der Annexionsforderung 1870. «HZ», 1969, № 2.

⁹ АВПР, ф. Канцелярия, 1870 г., д. 19, л. 178об.

¹⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 33, стр. 6, 33.

¹¹ АВПР ф. Канцелярия, 1870 г., д. 17, л. 150об.

¹² Ф. Меринг. История германской социал-демократии. Т. 4. М. 1922, стр. 9.

тен, А. Вагнер, Д. Штраус и др. Большинство этих сочинений было написано с крайне реакционных позиций. В бесконечных вариациях повторялся тезис об «ужасных» качествах национального характера французов, об их «варварстве и отсталости». Так, В. Онкен заявлял, что французская политика уже в течение 300 лет является политикой грабежа, порожденной «ужасной испорченностью» и потрясающей «одичанием народного духа»¹³. Р. Шрамм, прусский консул в Лейпциге, политик и публицист, в 1848 г. — президент демократического клуба в Берлине, сравнивал войну 1870—1871 гг. с войной против гуннов, а об «отсталой» французской нации говорил, что контакты с африканскими варварами породили в ней «грубость нравов». Он требовал полностью уничтожить военную мощь Франции и укрепить германскую границу за счет французских земель¹⁴.

Требование ослабить Францию появилось на страницах германской публицистики в первые же дни войны и продолжало оставаться актуальным даже после того, как Седан решил исход войны. Только Франкфуртский мир положил предел потоку этих требований. Дрезденский публицист Р. Дён предлагал «рассчитаться» с Францией, заключить такой мир, который навсегда ослабит ее¹⁵. Пастор из Кирхроде Бётгер требовал навечно лишить Францию возможности нарушать спокойствие Европы, ибо этого требуют «необходимость и бог». Врач из Дрездена А. Шуман в брошюре «Будущее Германии» призывал «задушить Францию», захватить столько ее земель, сколько будет возможно, отобрать у нее флот и колонии¹⁶. Среди всех способов ослабления Франции на первое место выдвигалась необходимость захвата Эльзаса и Лотарингии. Пропаганда аннексии проводилась различными методами. В сентябре 1870 г. в Берлине была расклеена листовка¹⁷ с изображением прусского герба, на груди орла — карта Эльзаса и Лотарингии, вокруг нее — 25 высказываний об истории и культуре этих земель. Первое гласит: «Эльзас и Лотарингия — старинные германские земли», последнее — «Эльзас и Лотарингия — старинные германские земли навсегда». Среди «афоризмов» были следующие: «Страсбург — главный центр германской науки и главная опора немецкой реформации в XVI веке»; слова императора Карла V: «Если я одновременно услышу, что на Вену нападают турки, а на Страсбург — французы, я оставлю Вену и поспешу сначала спасать Страсбург»; слова Э. М. Аридта, относящиеся к 1814 г.: «Французы должны нас бояться, иначе они будут нас ненавидеть» и т. д.

Широкое распространение получили в Германии сочинения Р. Бёкка и О. Больмана, в которых речь шла о новых границах между Германией и Францией¹⁸. Бёкк рассуждал о естественных границах. Таковыми являются, утверждал он, горные хребты; долины — это, наоборот, связующие элементы. Он заявлял, что главная цель войны — это установление «подлинной, естественной» границы между двумя странами, которая «могла бы гарантировать настоящий мир»¹⁹. О. Больман также выдвигал предложения относительно новых границ, которые должны со-

¹³ См. K. G. Faber. Die national-politische Publizistik Deutschlands von 1866 bis 1871. Bd. 2. Düsseldorf. 1963. S. 556. Двухтомный труд западногерманского историка К. Г. Фабера представляет собой сборник подробных аннотаций публицистических изданий и журнальных статей 1866—1871 гг., посвященных проблемам объединения Германии, ее внутренней и внешней политики.

¹⁴ Ibid., S. 561—562.

¹⁵ R. Doehn. Der Bonapartismus und der deutsch-französische Konflikt vom Jahre 1870. Leipzig. 1870. S. 68.

¹⁶ K. G. Faber. Op. cit., S. 582, 603—604.

¹⁷ Эту листовку Убри переслал в Петербург (АВПР, ф. Канцелярия, 1870 г., д. 19, л. 354).

¹⁸ R. Böckh. Die natürlichen Grenzen Deutschlands gegen Frankreich. «Unsere Zeit. Revue der Gegenwart», 15.IX.1870; O. Bohlmann. Die Friedensbedingungen und ihre Verwertung. B. 1870.

¹⁹ «Unsere Zeit. Revue der Gegenwart», 15.IX.1870.

здать гарантии против агрессивных тенденций Франции; в то же время они должны быть установлены так, чтобы Германия получила все, что у нее похитила Франция в прежние времена. Некоторые авторы высказывали мысль, что естественная граница — это граница языковая²⁰. Однако подавляющее большинство авторов пропагандистских брошюр не затрудняло себя этнографическими, историко-географическими, филологическими изысканиями, а просто заявляло о «божественном праве» Германии на Эльзас и Лотарингию или же о «праве сильного», «праве меча». По «божественному праву» Германия может вернуть себе то, что Франция похитила у нее в течение последних столетий, утверждал д-р К. Рорбах, педагог и публицист из Готы. Директор гимназии в Швейднице А. Фриде уверял, что Пруссия должна присоединить Эльзас и Лотарингию по праву сильнейшего, по праву завоевания и меча, даже если население этих мест воспротивится такому решению. Популярнейший в то время штутгартский публицист В. Менцель писал: «Мы, немцы, снова овладеем Эльзасом и Лотарингией... по праву сильнейшего, по праву завоевания, по праву возмездия, по естественному родовому праву одной и той же нации, по праву самосознания, по праву... защиты от злого соседа»²¹.

В пропагандистской литературе 1870—1871 гг. ставились также проблемы объединения севера и юга и образования единого Германского государства. Начало войны, расценивавшееся большинством населения Германии как наглое нападение «смертельного врага» с целью захватить рейнские земли, породило идею, что война приведет к германскому единству. Р. Дён утверждал, что объявление войны перебросило мост через Майн, и Наполеон, рассчитывавший на отделение южных государств, просчитался²². Высшей целью войны объявлялось объединение Германии, предпосылкой которого станет «славный мир». Большинство публицистов отмечало ведущую роль Пруссии, руководившей завершением «великого дела». Ганноверский политик и дипломат Г. Мюнстер, гамбургский публицист Ф. Гильмейстер, полковник Ю. Блум обосновывали ее особую историческую роль как руководителя германских государств и вершителя судеб Европы²³. Правда, порой раздавались и иные голоса. В брошюре баварца Ф. Фехенбаха²⁴ содержался понятный для большинства южан призыв не допустить, чтобы Пруссия проявила в войне заботу исключительно о собственных интересах; К. Рорбах из Готы подчеркивал, что войну следует вести ради единой Германии, но никак не ради Германии, которую поглотит Пруссия. Х. Эвальд обвинял Пруссию в том, что она «ввязалась» в войну с Францией исключительно в собственных интересах²⁵. Примечательно, однако, что вопрос о великогерманском (во главе с Австрией) пути объединения в 1870 г. почти не ставился. Великогерманские тенденции, еще живые среди католиков Южной Германии, в общем, все-таки становились анахронизмом.

Особое внимание в пропагандистских сочинениях уделялось роли новой единой Германии в будущем Европы и даже всего мира. После Се-

²⁰ См., например: E. Zeller. Das Recht der Nationalität und die freie Selbstbestimmung der Völker. «Preussische Jahrbücher» (далее — «PJ»), 1870, Bd. 26, S. 627—650; G. Münster. Deutschlands Zukunft das Deutsche Reich. B. 1870; K. Bernhardt. Die Sprachgrenze zwischen Deutschland und Frankreich. Cassel. 1871.

²¹ C. Rohrbach. Wofür wir kämpfen. Gotha. 1870; K. G. Faber. Op. cit., S. 595; W. Menzel. Elsass und Lothringen sind und bleiben unser. Stuttgart. 1870, S. 5.

²² R. Doehn. Op. cit., S. 2.

²³ G. Münster. Op. cit.; F. Gielmeister. Kaiser oder König. Hamburg. 1870; J. Bluhm. Die Bundesstaatliche Einigung Süd- und Nord-Deutschland unter Preussen Führung als notwendige Ergebnis des gegenwärtigen Krieges und ihre Bedeutung als Schutzwehr für das europäische Gleichgewicht. B. 1870.

²⁴ F. Fehenbach. Deutschland und Frankreich oder eine Deutsche Antwort auf die französische Herausforderung. München. 1870.

²⁵ C. Rohrbach. Op. cit.; H. Ewald. Fragen zur Wiederherstellung Deutschlands. Leipzig. 1870.

дана буржуазная Германия буквально кричала о том, что к ней перешла европейская гегемония и что, может быть, в ее руках теперь находятся судьбы мира. В течение нескольких столетий в Европе царили французский дух и французская политика, вешал в Гейдельберге профессор И. Г. Блунчли, но отныне здесь возобладали германский дух и германская политика. Упомянувшийся выше А. Шуман предсказывал, что Германия поддержит стремление австрийцев возвратиться в «великое германское отечество», оградит немцев остзейских провинций от «русской тирании», вспомнит, что голландский язык — всего лишь немецкий диалект и что Швейцария потеряна для Германии не навсегда²⁶. Так из восторгов по поводу германских побед рождался, по существу, пангерманизм, которому суждено было принести Германии столько бед.

В шовинистической пропаганде, развернувшейся во время франко-прусской войны, на первом месте оказались историки, еще с 1866 г. разрабатывавшие и распространявшие в различных формах и самым широким образом милитаристскую идеологию и возвеличивавшие Пруссию. Г. Трейчке накануне войны обратился к Бисмарку, предлагая свое перо историка и публициста. Бисмарк воспользовался этим предложением, и во время войны Трейчке часто выполнял его прямые поручения²⁷. Он выступал тогда в качестве одного из главных организаторов общественного мнения, стремясь направить его в угоду прусскому милитаризму и национализму, и в этом смысле играл важную политическую роль. В его тогдашних публицистических работах, пожалуй, ярче и грубее всего отразились характерные черты откровенно шовинистической и милитаристской пропаганды.

Известные немецкие историки Г. Зибель, М. Дункер, Г. Баумгартен, В. Мауренбрехер, Т. Моммзен тоже стали в 1870—1871 гг. яростными пропагандистами войны. Зибель, например, называл войну «священной расовой борьбой» и проповедовал необходимость аннексий. 28 января 1871 г. он писал Баумгартену: «Взоры мои снова и снова обращаются к экстремному выпуску и слезы текут по щекам. Чем заслужил я милость господ, даровавшего мне счастье пережить такие великие события? И как жить после этого? То, что двадцать лет составляло содержание всех желаний и стремлений, теперь осуществлено в такой бесконечно прекрасной форме! Откуда же взять мне новое содержание для дальнейшей жизни!»²⁸. Заметим, что эти эмоции у Зибеля вызвало даже не провозглашение империи, а всего лишь известие о капитуляции Парижа. Адресат этого письма Г. Баумгартен в брошюре, вышедшей в Лейпциге в ноябре 1870 г., в напыщенных выражениях воспевал «необыкновенные события», «плоды и свершения долголетних усилий и стремлений германской нации»²⁹.

А. Вагнер, экономист, профессор Берлинского университета, выпустил в сентябре 1870 г. в Лейпциге книгу «Эльзас и Лотарингия и их возвращение Германии». Она тоже представляет собой апологию войны и «безграничных возможностей» германского духа. Для этого сочинения характерна дикая ненависть к французскому народу. «Не против Наполеона, а против Франции» — так назвал А. Вагнер первую главу. Он объявлял чуть ли не единственным и главным стремлением всех правительств Франции — захват германских земель³⁰.

²⁶ J. G. Bluntschli. Das moderne Völkerrecht in dem französisch-deutschen Kriege 1870. Heidelberg, 1871, S. 29; K. G. Faber. Op. cit., S. 603—604.

²⁷ H. Schleier. Sybel und Treitschke. Antidemokratismus und Militarismus in historisch-politischen Denken grossbourgeoiser Geschichtsideologen. B. 1965, S. 108.

²⁸ «Die Gründung des Deutschen Reiches 1870/71 in Augenzeugenberichten». Düsseldorf, 1970, S. 11.

²⁹ H. Baumgarten. Wie wir wieder ein Volk geworden sind. Leipzig, 1870, S. 2—3.

³⁰ A. Wagner. Elsass und Lothringen und ihre Wiedergewinnung für Deutschland. Leipzig, 1870, S. 2.

К. Гуцков, когда-то последователь Бёрне и Гейне, автор знаменитой пьесы «Уриель Акоста», написал в духе тех же идей брошюру «Дуэль из-за Эмса», вышедшую осенью 1870 года³¹. Она была проникнута уверенностью, что Германия решает в этот момент судьбу Европы, презрением к Франции и требованием ослабить ее и аннексировать Эльзас и Лотарингию.

Общегерманскую известность получили опубликованные в августе—сентябре 1870 г. в баварской «Allgemeine Zeitung» открытые письма немецкого теолога Д. Штрауса к его французскому коллеге Э. Ренану³². Хотя эти письма и были написаны в спокойном академическом тоне и даже полны заверениями в уважении к французской культуре, однако основу всех размышлений автора составляет идея о превосходстве немцев над французами. «Единственное, за что мы боремся,— лицемерно писал Штраус,— это равноправие европейских народов, уверенность в том, что отныне беспокойный сосед... не помешает нам в мирном труде и не похитит его плоды»³³. Штраус настойчиво твердил, что для гарантии европейского мира необходимо присоединение Эльзаса и Лотарингии к Германии. Он не утруждал себя при этом ни научным, ни военно-стратегическим обоснованием аннексии, утверждая одновременно, что единственным путем объединения Германии является война под руководством Пруссии³⁴.

Так, выступая пропагандистом прусского пути объединения и захвата французских территорий, либеральная буржуазная интеллигенция стала защитницей реакционнейшей тенденции в политике Бисмарка и злейшим врагом прогресса, человечности и простого здравого смысла. В немецкой либеральной прессе и в пропагандистских сочинениях война предстает как ряд последовательных триумфов, достигнутых почти без потерь. Цифры потерь и имена погибших теряются в потоке патриотических речей.

Были ли в Германии иные настроения? Можно утверждать с уверенностью, что, несмотря на все потери, в первые месяцы войны воодушевление было действительно всеобщим и слезы тех, кто потерял близких, растворились в победном ликовании. Но к концу осени многое переменилось. В октябре 1870 г. П. П. Убри сообщал из Берлина, что в столице чувствуется усталость, в деловом мире царит озабоченность, армия поглощает лучшие силы страны, и это усиливает общую неуверенность. В начале 1871 г. об этом писали все российские дипломаты. Русский представитель в Гессене Н. Остен-Сакен сообщал из Дармштадта 30 января 1871 г., что энтузиазм, с которым раньше встречали вести о победах, уступил место «усталости, порожденной войной, и серьезной озабоченности относительно будущего». А. Столыпин писал из Штутгарта 12 марта, что в Вюртемберге остро ощущается недостаток рабочих рук³⁵. Гамбургский журналист Ю. Экардт, побывавший в декабре 1870 г. в Берлине, вспоминал: «Здесь царило подавленное настроение... чему сильно способствовали бесчисленные жертвы кровавой борьбы и многомесячный застой в делах... В переулках можно было увидеть многих людей в трауре и с печальными лицами»³⁶. А вот свидетельство жившего тогда в Германии норвежского писателя Г. Ибсена, который описывал в частном письме от 10 октября 1870 г. состояние Дрездена: «Город полон больными и ранеными; можно быть уверенным, что ежедневно встретишь военные составы с мертвыми или транспорты с лаза-

³¹ K. Gutzkow. Das Duell wegen Ems. Gedanken über den Frieden. В. 1870.

³² Д. Штраус перевел на немецкий язык труд Э. Ренана «Жизнь Иисуса».

³³ «Allgemeine Zeitung» (далее — «Allg. Ztg.»), 18.VIII.1870.

³⁴ «Allg. Ztg.», 2.X.1870.

³⁵ АВПР, ф. Канцелярия, 1870 г., д. 19, лл. 433—433 об; 1871 г., д. 36, л. 3 об; д. 103, л. 33.

³⁶ J. Eckhardt. Lebenserinnerungen. Bd. I. Leipzig. 1910, S. 240.

ретами... Здесь нет ни следа военного воодушевления; то, что об этом пишут газеты, есть чистейшая выдумка. Страна ужасно страдает... почти в каждой семье траур...»³⁷.

Это свидетельства о настроениях населения. И среди либералов было немало тех, кто призывал задуматься над происходящим. Либерально-демократический историк Г. Гервинус, еще в 1860-х годах выступавший против прусской гегемонии и милитаризма, во время войны заявлял, что Германии ныне угрожает превращение в «военное государство», могущее стать постоянной угрозой миру в Европе. Он предостерегал от увлечения политикой силы, считая, что это может породить «самоубийственную политику, стремление упоенной силой Германии развязать новую войну. В ней Германия неизбежно погибнет, как до сих пор погибала всякая держава, равнявшаяся к гегемонии»³⁸.

В первые дни войны население южногерманских государств было стихийно охвачено общенациональным подъемом. Это доказывают и бесчисленные газетные сообщения и свидетельства очевидцев, в том числе и русских, находившихся в Германии. Накануне войны, 14 июля 1870 г., Остен-Сакен сообщал из Дармштадта в Петербург, что вопрос о кандидатуре на испанский престол принца Леопольда Гогенцоллерна «оставляет немцев по эту сторону Майна совершенно равнодушными к результатам действий прусской дипломатии». Но уже через день все изменилось. 16 июля Остен-Сакен писал: «В течение двух дней мирный облик этой страны совершенно изменился. Безразличие к вопросу о кандидатуре принца Гогенцоллерна сменилось чувством глубокого гнева по отношению к Франции, искренней верой в правоту Пруссии и в успех германской армии». Российский представитель в Мюнхене И. Озеров сообщал 21 июля 1870 г.: «Энтузиазм растет день ото дня; юноши 15—16 лет покидают отчий дом и идут в армию простыми солдатами. Университеты закрываются, покинутые студентами, желающими принять участие в войне». Любопытные наблюдения сделал редактор либерального журнала «Вестник Европы» М. М. Стасюлевич, лечившийся на водах в Рейхенгалле (Бавария). «Пруссаков здесь не терпят,— писал он в середине июля 1870 г. А. Н. Пыпину,— но способ объявления им войны со стороны Наполеона помирил всех и вся»³⁹. Число подобных свидетельств легко умножить. Напомним еще лишь об известных корреспонденциях И. С. Тургенева из Баден-Бадена, опубликованных осенью 1870 г. в «Санкт-Петербургских ведомостях»⁴⁰.

Однако в южногерманских государствах проявления энтузиазма не могли скрыть того обстоятельства, что и здесь существовали и боролись силы, враждебные как воинственным, так и объединительным тенденциям. Самыми влиятельными противниками объединения на юге, особенно в Баварии, были ультрамонтаны и католическое духовенство. Их так называемая «патриотическая партия», используя недовольство ростом налогов и ненависть к военному деспотизму Пруссии, приобрела широкое влияние и создала себе крестьянскую и мелкобуржуазную массовую базу. Но поражение Австрии в 1866 г. лишило поддержки католические клерикальные оппозиционные группы, а политика Бисмарка все серьезнее угрожала независимости южных государств.

Борьба, связанная с франко-прусской войной, началась на юге еще до ее объявления в связи с конфликтом по вопросу о кандидатуре на ис-

³⁷ H. Ibsen — F. Hegel, 10.X.1870. H. Ibsen. Sämtliche Werke in deutscher Sprache. Bd. 10. Briefe. [O. J.] B, S. 147.

³⁸ G. Gervinus. Denkschrift zum Frieden. «Hinterlassene Schriften». Wien. 1872, S. 29.

³⁹ АВПР, ф. Канцелярия, 1870 г., д. 39, лл. 28 об, 31 об; д. 96, л. 100 об; Рукописный отдел Государственной публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина, ф. 621 (А. Н. Пыпин), д. 822, л. 30.

⁴⁰ См. Д. С. Гутман. И. С. Тургенев о франко-прусской войне и Парижской Коммуне. «Новая и новейшая история», 1969, № 2.

панский престол. При обсуждении военного бюджета в баварском ландтаге 14 июля на заседании нижней палаты консервативный католический публицист и политик, издатель журнала «Historisch-politische Blätter für das katholische Deutschland»⁴¹ депутат И. Э. Йорг заявил, что баварское правительство «поступило бы умно, если бы не вмешивалось в высокую политику». Йоргу возразил прогрессист, депутат И. Фёльк, речь которого вызвала одобрение большинства, в том числе многих «патриотов»: «Речь идет сейчас не об испанском престоле, а о покушении на существование Германии... Неужели это не воспламенит наше чувство национальной чести?»⁴². Через несколько дней, когда Франция уже объявила войну Пруссии, в палате вновь разгорелись бурные дебаты. Комитет большинства палаты заявил, что следует дать правительству требуемую сумму только в том случае, если оно согласится соблюдать «вооруженный нейтралитет». Депутаты партии «патриотов» утверждали, что нет правовых обязательств, заставляющих Баварию участвовать в войне. Йорг говорил: «По нашему мнению, причина этого печального недоразумения лежит вне области германских интересов и германской чести... В сущности, она проистекает из политики Пруссии, которая тайными переговорами о кандидатуре принца Леопольда сделала большую политическую ошибку»⁴³. Как может Йорг называть священную войну «войной между другими государствами!» — возмущенно воскликнул депутат Р. Фишер. «Военное воодушевление растет с каждым днем... о нейтралитете не может быть и речи»⁴⁴, — заявил депутат И.-Н. Зепп. Но большинство «патриотов» высказалось за вооруженный нейтралитет Баварии. После долгих дебатов палата отклонила предложение о вооруженном нейтралитете и утвердила кредиты на мобилизацию и ведение войны. Но все же 47 «патриотов» высказались против войны. Корреспондент из Мюнхена сообщал в «National-Zeitung», что среди баварских крестьян царит апатия и понадобится сила, чтобы собрать в отдельных местах резервные батальоны и корпуса ландвера⁴⁵.

Бисмарк отлично знал о подобных настроениях, но не придавал им значения. Когда прусский посол в Баварии Вертерн телеграфировал ему после начала войны о враждебных статьях в газете «Vaterland», канцлер ответил ему: «Бавария против Франции... для догадок у нас нет времени; события разворачиваются, и отдельные статьи нас не интересуют»⁴⁶. И действительно, само развитие событий способствовало росту иных настроений. Корреспонденты из баварских городов ежедневно сообщали о массовых манифестациях в Мюнхене, о пении национальных песен на улицах, о многолюдных народных собраниях. «Теперь на войну, всеми силами! — восклицал корреспондент из Мюнхена 19 июля 1870 г. — Война до тех пор, пока, наконец, не будет покончено с французской наглостью! — вот всеобщая мысль. С радостью встречено известие, что баварское войско призвано сражаться вместе с северогерманским». На следующий день газета сообщала о народном собрании в Нюрнберге. 4 тыс. присутствовавших на нем приняли пространную резолюцию. В ней говорилось: «Мы ожидаем, что представители нашего народа единодушно и единогласно утвердят средства, необходимые для энергичного ведения войны. Мы ожидаем от нашей полной сил молодежи, что она в этот опасный для отечества час встанет на его защиту...»⁴⁷.

⁴¹ И. Э. Йоргу посвящена докторская диссертация западногерманского историка и философа К. Г. Лукаса (K. H. Lucas, J. E. Jörg. *Konservative Publizistik zwischen Revolution und Reichsgründung (1852—1871)*). Köln. 1969).

⁴² «Allg. Ztg.», 16.VII.1870.

⁴³ «Allg. Ztg.», 21.VII.1870.

⁴⁴ «Allg. Ztg.», 22.VII.1870.

⁴⁵ «National-Zeitung» (далее — «NZ»). 20.VII.1870.

⁴⁶ Цит. по: E. Naujoks. *Bismarcks auswärtige Pressepolitik und die Reichsgründung*. Wiesbaden. 1968, S. 384.

⁴⁷ «Allg. Ztg.», 19.VII, 20.VII.1870.

Эти настроения поддерживала и укрепляла крупнейшая газета баварских либералов «Allgemeine Zeitung». 17 июля в передовой статье «Война» был поставлен вопрос: «Может ли народ, который хочет стать истинным народом, разрешить соседнему народу оскорблять себя или взять себя под опеку? И может ли, имеет ли право в моменты таких решений часть нации отделять свои интересы от общих и играть роль беспристрастного свидетеля?» На юге, замечал автор передовой, немало сомнений, и виновата в них в значительной мере Пруссия, не сумевшая полностью завоевать сердца южан. Но теперь все это отошло на задний план, исчезло и забыто. «Осталось только одно: важнейший долг выступить вместе с Пруссией и всеми германскими племенами за германское дело»⁴⁸. Точку зрения либеральной печати отнюдь не разделяла пресса «патриотов». И. Йорг уверял читателей своего журнала, что начавшуюся войну нельзя считать национальной, ибо из Германии исключена Австрия. «Если же Пруссии удастся устранить последние препятствия в ее германской политике... с германской свободой будет покончено... Тиранический произвол национал-либерализма будет тогда господствовать под именем «германской идеи»⁴⁹.

Вскоре стало ясно, что общегерманские тенденции побеждают. Первые победы германских войск, в которых важную роль играли и баварские части, усилили националистические и антифранцузские настроения. 12 сентября 1870 г. русский представитель в Мюнхене И. Озеров писал А. М. Горчакову: «Стремление к единству Германии усиливается с каждым днем... Всеобщее горячее желание состоит в том, чтобы дух единства, объединяющий ныне армии различных германских государств в борьбе против общего врага, в момент заключения мира укрепился еще более созданием сильной и независимой Германии»⁵⁰. Либералам представлялась само собой разумеющейся ориентация на Пруссию. «Allgemeine Zeitung» толковала о том, что «Бавария в будущем германском союзе во всяком случае может требовать привилегированного положения» и известных компенсаций, но компенсации эти представлялись ей в виде некоторых модификаций конституции Северогерманского союза, разумеется, не наносящих вреда общенациональным интересам. Газета призывала «не медлить». «Время торопит нас,— говорилось в передовой статье от 28 октября 1870 г.,— дело чести — покончить с колебаниями». Пресса либералов стремилась воздействовать на баварские правящие круги, которые проявляли неуступчивость в переговорах в Версале в ноябре 1870 года. «Тревожные вести приходят к нам с запада через Рейн...— писал автор передовой статьи в той же газете 12 ноября.— Всеми делу угрожает Бавария! Неужели идеал, который каждый носил в сердце, так и останется мечтой?» Автор выступал против той партии, которая «хотела бы окружить нашу землю широким рвом». Эта партия, намекал он на «патриотов», «ищет себе опору вне германской земли»⁵¹.

Единственной серьезной силой в Баварии, протестовавшей против вступления в Северогерманский союз и резко осуждавшей войну после Седана, оставалась партия «патриотов». «Allgemeine Zeitung», резко критиковавшая их, сделала любопытное наблюдение. Автор статьи «К вопросу об объединении Германии», помещенной в номере за 27 ноября, заметил, что баварские партикуляристы — это партия старшего поколения. Что же касается молодежи, в руках которой будущее страны, то в ее настроениях и стремлениях заметно развитие германских национальных идей, писал он. Осенью 1870 г. Йорг начал в своем журнале борьбу против объединения под руководством Пруссии. Он обвинял на-

⁴⁸ «Allg. Ztg.», 17.VII.1870.

⁴⁹ «Historisch-politische Blätter für das katholische Deutschland», Jg. 1870, Bd. 66, S. 247.

⁵⁰ АВПР. ф. Канцелярия, 1870 г., д. 96, л. 137.

⁵¹ «Allg. Ztg.», 29.IX, 28.X, 12.XI. 1870.

ционал-либералов в том, что они способствовали превращению войны кабинетов в расовую войну, тогда как ее можно было локализовать и быстро закончить. Теперь же в центре Европы создается «централистское военно-национальное государство» — угроза миру. Он призывал Австрию помешать действиям Бисмарка, а правительство и народ Баварии — не подчиняться прусскому диктату и выступить против объединения с севером⁵².

В январе 1871 г. Йорг выступил в баварском ландтаге при обсуждении вопроса о военных кредитах и об утверждении Версальского договора с Баварией. Дебаты начались 3 января 1871 года. Горячие споры развернулись по вопросу о средствах на особые нужды армии. Национал-либералы высказались за то, чтобы без обсуждения утвердить требуемые военным министром кредиты. «Патриоты» тотчас вступили в борьбу. Депутат А. Руланд заявил, что он придерживается христианской точки зрения, которая, несомненно, выше национальной, и это не позволяет ему голосовать за кредиты на войну, принесшую столько несчастий. Депутат И. Грейль утверждал, что со времени седанской победы началась новая война, за продолжение которой он не хочет голосовать, ибо осуждает ее глубочайшим образом. Депутат Ф. Кольб высказался против бесчестных, совершаемых вопреки воле народа аннексий. Депутат И. Пфалер говорил, что война приобрела расовый характер, превратилась в насмешку над гуманностью⁵³. И все же только четыре депутата голосовали против чрезвычайных военных кредитов. Однако на этом борьба не кончилась.

11 января палата депутатов обсуждала договор с Баварией, заключенный в Версале 23 ноября. В сущности, ход событий предопределил решение ландтага. Единственным последовательным борцом за неприкосновенность Баварии к Северогерманскому союзу остался Йорг. Он подчеркивал, что Бавария приносит в жертву права короны и государства, но не на алтарь отечества, а в пользу абсолютистской, военной Пруссии. В заключительном слове Йорг заявил, что хочет оставить своим детям честное имя и будет голосовать против договора: «Я повторяю: мы не можем! Не можем! Наши руки не поднимаются! Если этому суждено свершиться, пусть народ призвет для этого других!»⁵⁴. При голосовании две трети палаты — 102 депутата — высказались за утверждение Версальского договора, против голосовало 48 депутатов, тотчас покинувших ландтаг. «С нами кончено, по всей вероятности, навсегда, — писал Йорг в частном письме 31 января 1871 г. — мне остается только поскорее оставить парламентскую деятельность»⁵⁵. Все выступления Йорга после провозглашения Германской империи проникнуты пессимизмом. События 1870—1871 гг. были не только концом партии «патриотов», но и крахом принципов, которых Йорг последовательно придерживался в течение 20 лет.

В деятельности южногерманских католиков были тогда черты, сближавшие их с демократами. Они ориентировались на массы и в своей агитации обращались именно к ним. Однако они стремились вернуться к положению, существовавшему до 1866 года. Большинство придерживалось великогерманских позиций. Демократы же стремились к свободному объединению германских земель и образованию государства, основанного на народном суверенитете. Антимилитаризм и антипруссачество в агитации мелкобуржуазных демократов имели, таким образом, иной, прогрессивный смысл⁵⁶.

⁵² «Historisch-politische Blätter für das katholische Deutschland», Jg. 1870, Bd. 66, S. 465—480.

⁵³ «Allg. Ztg.», 6. 7.1.1871.

⁵⁴ «Allg. Ztg.», 23.1.1871.

⁵⁵ К. Н. Лукас. *Op. cit.*, S. 386.

⁵⁶ Подробнее об этом см.: R. Weber. *Ultramontanismus und Demokratie in Süddeutschland. 1866 bis 1870. «Die Grosspreussisch-militaristische Reichsgründung 1871».*

Позиция Баварии была решающей для отношения всех южногерманских государств к войне, к Пруссии, к объединению. Однако в Вюртемберге, Бадене, Гессене тоже шла борьба по вопросам войны и мира.

О противоречивых настроениях в Бадене свидетельствуют любопытные воспоминания о первых днях войны в Гейдельберге, написанные Е. А. Штакеншнейдер, дочерью петербургского архитектора, известной своей дружбой и перепиской с П. Л. Лавровым. Брат Е. А. Штакеншнейдер был студентом Гейдельбергского университета, и она вспоминала, что в студенческих беседах незадолго до войны «постоянно бранили... профессора Трейчке за его пруссофильство,.. называли его прусским агентом и говорили, что он хочет втереть им прусские очки». Но все переменилось в несколько дней. Присутствуя на торжественной студенческой пирушке («коммерше»), Е. А. Штакеншнейдер слушала, как «говорили профессора Блунчли и Трейчке, пропагандист объединения Германии под прусским флагом; попережку с речами пели патриотические песни... Восторг между тем, возбужденный речью Трейчке, все разгорался и разгорался, шум и крики усиливались». Проницательная наблюдательница, Штакеншнейдер недоумевала: «То ропот на Трейчке, что он хочет Южной Германии втереть прусские очки, то вдруг этот восторг. Оказывалось, что очки уже втерты и все отлично смотрят в них... Я не догадывалась еще, почему Гельмгольц и Бунзен, два светила науки, сидели тут же, но речей не говорили». Штакеншнейдер обратилась к пригласившему ее студенту, распорядителю «коммерша». «Что же вы»,— спрашиваю,— «когда же ваша очередь?». «Я говорить не стану, не могу»,— отвечал он... И изо всей гейдельбергской молодежи, которую при объявлении войны разом, в два дня, как метлой смело из города... он был единственный, который отбывал свою повинность без восторга, даже без охоты»⁵⁷.

В Вюртемберге либеральная буржуазия, объединенная в Немецкую партию, боролась за присоединение к Северогерманскому союзу. Против объединения здесь выступали, как и в Баварии, ультрамонтаны; но они были гораздо слабее и не играли важной политической роли. В отличие от Баварии, здесь большим влиянием накануне франко-прусской войны пользовалась мелкобуржуазная демократическая Народная партия. В последние дни перед франко-прусской войной газета Народной партии «*Veobachter*» воздерживалась от определенных оценок и лишь предостерегала против «ложного фанатизма». 18 июля редакция предложила отказаться от вооруженного выступления, твердо держаться политики вооруженного нейтралитета и союза южных государств. Между тем в Штутгарте состоялось народное собрание, объявившее войну национальной и оборонительной и потребовавшее поддержать Пруссию. Газеты сообщали о патриотических манифестациях населения. Оказалось, что позиция Народной партии расходится с общим настроением. «Мы не являемся приверженцами прусской политики 1866 года,— сообщал штутгартский корреспондент баварской «*Allgemeine Zeitung*».— С тем большей беспристрастностью мы можем и должны заявить, что в нынешней ситуации Пруссия вела себя спокойно, разумно, умеренно». Корреспондент берлинской «*National-Zeitung*» 19 июля сообщал, что «настроение упрямых швабов теперь совершенно изменилось, и вместо озлобленного недоверия к Пруссии возникло чувство общности, крепкого братства в борьбе против врага»⁵⁸.

22 июля в палате депутатов вюртембергского ландтага обсуждался вопрос о чрезвычайных кредитах на войну. Лидер Народной партии депутат К. Майер еще при входе в здание, где заседал ландтаг, был встречен криками и свистом толпы. Но он пришел с уже готовым решением и,

⁵⁷ Рукописный отдел Института русской литературы, Р. III, оп. 2, д. 2000, лл. 3об., 8—8об.

⁵⁸ «*Allg. Ztg.*», 20.VII.1870; «*NZ*», 21.VII.1870.

взяв слово, заявил, что до предыдущего дня думал о вооруженном нейтралитете Вюртемберга, однако теперь понял, что это невозможно. «Поскольку баварская палата сказала «нет!» — то нам ничего не остается, как выступить под верховным командованием Пруссии»⁵⁹. Вюртембергский ландтаг утвердил военные кредиты и провозгласил верность союзу с Пруссией.

Вюртембергские демократы перешли от прежней самостоятельной политики, направленной на демократическое великогерманское объединение, к поддержке прусских национал-либералов. Народная партия почти прекратила свою деятельность в массах⁶⁰. С августа главенствующее положение в Вюртемберге заняла Немецкая партия, развернувшая широкую агитацию за объединение. Наибольшего успеха либералы добились на народном собрании в Штутгарте 3 сентября 1870 года. Оно приняло резолюцию, проникнутую идеями аннексии французских земель и вступления южногерманских государств в Северогерманский союз⁶¹. В последующие дни почти во всех городах Вюртемберга состоялись собрания, одобрявшие эту резолюцию. Российский представитель в Штутгарте А. Столыпин сообщал 13 сентября 1870 г. в Петербург: «Германское национальное движение усиливается с каждым днем. Все города посылают королю адреса, в которых выражаются одни и те же пожелания: создание германского союза и возвращение Эльзаса и Лотарингии в великое германское отечество»⁶². Осенью в Вюртемберге происходили народные собрания, в которых участвовали депутаты ландтага и руководители Немецкой партии. Собрания эти присоединялись к штутгартской резолюции и высказывались за скорейшее решение германского вопроса.

Борьба продолжалась. 9 октября руководители Народной партии, собравшиеся в Штутгарте на совещание, решили поддержать объединение севера и юга в союзное государство, отказаться от требования об участии Австрии в решении германского вопроса и настаивать на отказе от простого вступления в Северогерманский союз даже при условии изменения его конституции⁶³. Тогда же в Штутгарте вышла брошюра «Сохранить южногерманские государства», принадлежавшая перу депутата вюртембергского ландтага и таможенного парламента партикуляриста М. Моля. Сохранение самостоятельности и равноправия, свободы и благосостояния южногерманских государств, заявлял автор, невозможно, если они присоединятся к Северогерманскому союзу. Это низведет Баварию и Вюртемберг до уровня второстепенных государств. Пруссия будет диктовать им свою волю⁶⁴.

Отражением борьбы мнений, происходившей в Вюртемберге, явилось поведение его представителей во время переговоров в Версале, когда они неожиданно проявили строптивость. Но это было лишь эпизодом. Решение Баварии подписать договор определило и решение представителей Вюртемберга. Правительство, не желавшее осложнений при утверждении договора, назначило новые выборы в ландтаг. Немецкая партия выступала заодно с правительством, а Народная партия, в сущности, отказалась от борьбы. На выборах она потерпела полное поражение. Триумф Немецкой партии определил и решение ландтага. Договор, заключенный Вюртембергом с Северогерманским союзом 25 ноября 1870 г., обсуждался в ландтаге 22 декабря. Против его утверждения выступил М. Моль. Заявляя, что он не хочет быть могильщиком Вюртемберга и будет голосовать против соглашений, Моль доказывал, что Вюртемберг

⁵⁹ «Allg. Ztg.», 23.VII.1870.

⁶⁰ См. G. Runge. Die Volkspartei in Württemberg von 1864 bis 1871. Stuttgart. 1970, S. 163.

⁶¹ «NZ», 5.IX.1870.

⁶² АВПР, ф. Канцелярия, 1870 г., д. 137, л. 42 об.

⁶³ См. G. Runge. Op. cit., S. 169.

⁶⁴ K. G. F a b e r. Op. cit., S. 615—616.

фактически и формально теряет прежнее положение независимого государства, что договоры наносят Южной Германии значительный финансовый ущерб и отныне свобода в южных государствах ставится под угрозу⁶⁵. Выступление Моля, конечно, не могло уже сыграть никакой роли. Палата утвердила Версальский договор. 18 января 1871 г. в Версале была торжественно провозглашена Германская империя.

Поведение вюртембергских демократов отражало общую слабость мелкобуржуазной демократии в Германии, связанную с особенностями развития немецкой буржуазии после революции 1848 года. Подавляющая часть буржуазии перешла на сторону Бисмарка, и попытки организовать широкие буржуазно-демократические объединения потерпели неудачу⁶⁶.

Одной из последних демократических групп, занявших во время франко-прусской войны твердую и последовательную позицию, был кружок, организованный в 1867 г. вокруг газеты «Die Zukunft» доктором И. Якоби, известным деятелем революции 1848 года. Членами этого кружка были будущие деятели германской социал-демократии Ф. Меринг и П. Зингер⁶⁷. Во время франко-прусской войны газета Якоби и издававшаяся Л. Зоннеманом «Frankfurter Zeitung» выступали за сохранение и развитие гуманистических и демократических традиций, протестуя против шовинизма и аннексий. На фоне диких воплей о неполноценности французской нации резко выделялись спокойные и твердые заявления «Die Zukunft» о шовинистическом безумии немецкой прессы, призывы к разуму и лояльности, «свойственным цивилизованным народам». «Во время происходящей ныне борьбы не только между политическими формами, но и между политическими принципами мы ... станем придерживаться солидарности, связывающей германскую и французскую демократию. Несмотря ни на что, дело свободы остается общим», — заявила редакция 21 августа 1870 года. «Мы решительно протестуем против... унижения отдельных членов семьи просвещенных европейских народов, — говорилось в статье «Протест», напечатанной в номере от 25 августа, — мы не станем вследствие нынешних побед считать, что немцы лучше французов».

Газета расходилась с огромным большинством органов германской прессы в оценке целей и смысла войны и предостерегала против толкования войны как «расового крестового похода». Задача Германии состоит в том, чтобы создать в Европе систему, основанную «не на идее мирового господства кайзера, а на праве и справедливости, свободе и равноправии всех народов». «Die Zukunft» приветствовала провозглашение Французской республики и призывала правительство отказаться от замысла унижить и ослабить Францию, резко выступала против французофобии и шовинизма. «Vae victoribus (Предупреждение Германии)!» — называлась статья ветерана революции 1848 г. Я. Венедей, опубликованная 30 августа. «Горе побежденным!» — известный афоризм, — писал Венедей. — Но мы говорим: «горе победителям!..» Победы, которые мы еще одержим... не должны возвысить оправданную народную... гордость до высокомерия, до переоценки собственных сил и до пренебрежения к другим народам».

С таким пониманием долга германского народа было связано отношение «Die Zukunft» и к вопросу об аннексии Эльзаса и Лотарингии. Иронией и презрением были проникнуты сообщения об опубликованных в печати после Седана адресах прусскому королю из Берлина, Лейпци-

⁶⁵ «Allg. Ztg.», 25.XII.1870.

⁶⁶ См. об этом: G. Seeber. Zwischen Bebel und Bismarck. B. 1965; G. Seeber, W. Wittwer. Kleinbürgerliche Demokratie im Bismarck-Staat. Entwicklungstendenzen und Probleme. B. 1971.

⁶⁷ См. об этом: С. В. Оболенская. Франц Меринг как историк. М. 1966, стр. 13—14.

га, Кёнигсберга, Штеттина, требовавших продолжения войны⁶⁸. «День Седана,—говорилось в статье «Условия мира»,—был днем нашего вступления в Париж; спектакль окончен. Не триумфами и аннексиями должна Германия завершить благородное дело, а тем, что она в благородном героизме протянет руку поднимающейся после глубокого падения Франции и поможет ей укрепить свои силы и свою свободу...»⁶⁹. Газета не уставала повторять, что если Германия все же отнимет у Франции Эльзас и Лотарингию, это будет губительно для нее самой — она не только не получит гарантий безопасности, но и нанесет удар собственной свободе. 16 октября в «Die Zukunft» было напечатано заявление народного собрания, состоявшегося 14 сентября в Кёнигсберге. Под заявлением стояло более ста подписей, среди них И. Якоби, Г. Вейса, Ф. Меринга, П. Зингера. «Собравшиеся здесь члены Народной партии,—говорилось в заявлении,—высказывают свое убеждение в том, что ни объявление войны Наполеоном, ни военные подвиги германского войска не дают победителю права решать политические судьбы жителей Эльзаса и Лотарингии... Мы протестуем против любой насильственной аннексии французских земель». На собрании выступил И. Якоби. «Только тот достоин свободы, кто уважает свободу других!»,—заявил старый демократ. Народное благо, говорил Якоби, не может быть завоевано несправедливостью и насилием. «Выскажем наше глубокое, искреннее убеждение в том, что всякий захват чужих земель против воли населения есть нарушение права на самоопределение народов и потому является столь же недостойным, сколь и пагубным. Будем протестовать!»⁷⁰.

За эту речь И. Якоби был арестован по приказу генерал-губернатора Северной Германии Ф. фон Фалькенштейна, незадолго до того взявшего под стражу членов Брауншвейгского комитета социал-демократической партии. «Die Zukunft» тотчас же вступила в борьбу за освобождение арестованных. Она и раньше постоянно выступала с обличением прусских военных властей и самого Ф. фон Фалькенштейна, критиковала почти в каждом номере политику репрессий. На страницах этой газеты рассказывалось также о деятельности германской и международной социал-демократии. 9 сентября 1870 г. здесь было изложено содержание Манифеста Брауншвейгского комитета социал-демократической партии, причем редакция противопоставляла благородный призыв поднять голос за мир и против аннексий шовинистическим адресам прусской буржуазии. Газета постоянно сообщала о репрессиях правительства и военных властей против социал-демократии и ее вождей, выражала им сочувствие, видела в них союзников⁷¹.

Наиболее проникательные представители германской буржуазной демократии возлагали надежды на рабочее движение и социал-демократию и стремились к сотрудничеству с ними не случайно. Это стремление исходило в значительной степени из сознания собственной слабости. «Frankfurter Zeitung», «Die Zukunft», выступления Якоби и его сторонников — вот почти и все, что характеризует борьбу мелкобуржуазной демократии против войны, за демократическое объединение Германии. Надежды на общенациональное демократическое движение рушились одна за другой. Крушением был и конец самой газеты «Die Zukunft», прекратившей свое существование 31 марта 1871 года.

Не подлежит сомнению то обстоятельство, что Бисмарк и прусское военное командование принимали решения независимо от воли широких общественных кругов. Но верно также и то, что общественное мнение в

⁶⁸ «Die Zukunft», 3.IX.1870.

⁶⁹ «Die Zukunft», 11.IX.1870.

⁷⁰ «Gesammelte Schriften und Reden von Johann Jacoby». Zweiter Teil. Hamburg. 1872, S. 485.

⁷¹ Отношение германского рабочего класса и социал-демократии к франко-прусской войне представляет собой особую большую тему, неоднократно ставившуюся в работах советских и зарубежных историков.

германских государствах создавало определенную атмосферу, благоприятную для осуществления этих решений. Оно отражало прежде всего назревшую необходимость национального объединения, горячее стремление к нему. Толки и споры шли о принципах, средствах и формах объединения, но не о главном решении. Партикуляристские тенденции были незначительны и принадлежали прошлому.

Вместе с тем анализ общественного мнения в германских государствах обнаруживает крайнюю реакционность буржуазных кругов и большей части тогдашней германской интеллигенции. Картина германского общественного мнения в 1870—1871 гг. представляет собой яркий пример «массового гипноза», угара, когда, по выражению В. И. Ленина, «вся буржуазия была опьянена победами над Францией и когда широкие массы населения дали увлечь себя подлой, чловеконенавистнической, «либеральной» проповеди национализма и шовинизма»⁷². Не только стремление завершить объединение и закрепить его навеки любой ценой, но и жажда захватов, обогащения, яростная французофобия, возвеличивание германской нации и провозглашение ее превосходства над другими — все это воспринимается во второй половине XIX в. как предчувствие расового безумия, охватившего Германию в годы фашизма.

В развитии массового общественного сознания, в «движении умов» в германских государствах кризис 1870—1871 гг. имел огромное значение. Победы германской армии тотчас, еще в ходе войны, вызвали размышления о порожденных войной сдвигах в положении Германии и всей Европы, о бедах, которые сулит победа самим немцам. Но в целом сознание германского общества, опьяненного успехами, резко сдвинулось вправо, в сторону пангерманизма.

На этом темном фоне резко выделяются, с одной стороны, позиция буржуазных демократов, а с другой — активная борьба германской социал-демократии за справедливое решение вопросов войны и мира и в поддержку Парижской Коммуны. Мелкобуржуазные демократы выдвигали идею справедливого решения вопросов войны и мира, проблемы будущего Германии. Но их программа была весьма расплывчатой и не могла стать для народа знаменем борьбы. Социал-демократическая партия, следовавшая советам и указаниям К. Маркса и Ф. Энгельса, была тогда единственной силой, предлагавшей ясную и конкретную программу действий, соответствовавшую программе мира «социалистов той эпохи... не грабить Францию, почетный мир с республикой»⁷³. Только К. Маркс и Ф. Энгельс, по горячим следам и всесторонне проанализировавшие всемирно-исторической важности события 1870—1871 гг., выдвигали в то бурное время, когда бисмарковская Пруссия завершала объединение Германии «железом и кровью», альтернативное решение германского вопроса — уничтожение прусской монархии и образование единой демократической республики⁷⁴.

⁷² В. И. Ленин. ПСС. Т. 20, стр. 144.

⁷³ В. И. Ленин. ПСС. Т. 27, стр. 269.

⁷⁴ К. Маркс. Первое воззвание Генерального Совета Международного Товарищества Рабочих о франко-прусской войне. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 17, стр. 1—16; К. Маркс и Ф. Энгельс. Комитету социал-демократической рабочей партии (там же, стр. 268—273); К. Маркс. Второе воззвание Генерального Совета Международного Товарищества Рабочих о франко-прусской войне (там же, стр. 274—282); К. Маркс. Гражданская война во Франции. Воззвание Генерального Совета Международного Товарищества Рабочих (там же, стр. 317—370); К. Маркс и Ф. Энгельс. Переписка. Соч. Т. 33, стр. 3, 6, 13, 26, 33—34.